

III. ИЗ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ

Н.А. БЕРДЯЕВ

ПИКАССО¹

Когдаходишь въ комнату Пикассо галлерей С.И. Щукина, охватываетъ чувство жуткаго ужаса. То, что ощущаешь, связано не только съ живописью и судьбой искусства, но съ самой космической жизнью и ея судьбой. Въ предшествующей комнате галлерей былъ чарующий Гогенъ. И кажется, что переживалась последняя радость этой природной жизни, красота все еще воплощеннаго, кристаллизованнаго міра, упоенность природной солнечностью. Гогену, сыну рафинированной и разлагающейся культуры, нужно было бежать на острова Таити, къ экзотической природе и экзотическимъ людямъ, чтобы найти въ себе силу творить красоту воплощенной, кристаллизованной, солнечной природной жизни. После этого золотого сна просыпаешься въ комнате Пикассо. Холодно, сумрачно, жутко. Пропала радость воплощенной, солнечной жизни. Зимний космический ветеръ сорвалъ покровъ за покровомъ, опали все цветы, все листья, содрана кожа вещей, спали все одеяния, вся плоть, явленная въ образахъ нетленной красоты, распалась. Кажется, что никогда уже не наступитъ космическая весна, не будетъ листьевъ, зелени, прекрасныхъ покрововъ, воплощенныхъ синтетическихъ формъ. А если и будетъ весна, то совсѣмъ уже иная, новая, небывалая, съ листьями и цветами нездешними. Кажется, что после страшной зимы Пикассо миръ не зацвететъ уже какъ прежде, что въ эту зиму падаютъ не только все покровы, но и

¹ Впервые напечатано в журнале: София. – Москва., 1914. – № 3. – С. 57–62. – Приводится в авторской орфографии.

весь предметный, телесный мир расшатывается в своих основах. Совершается как бы таинственное распластование космоса.

Пикассо – гениальный выразитель разложения, распластования, распыления физического, телесного, воплощенного мира. С точки зрения истории живописи понятен *raison d'être*, возникновение кубизма во Франции. Пикассо предшествовал такой крупной художник, как Сезанн. Французская живопись уже долгое время, со времени импрессионистов, шла по пути размягчения, утери твердых форм, по пути исключительной красочности. Кубизм есть реакция против этого размягчения, искание геометричности предметного мира, скелета вещей. Это – искания аналитические, а не синтетические. Все более и более невозможно становится синтетически-целостное художественное восприятие и творчество. Все аналитически разлагается и расчленяется. Таким аналитическим расчленением хочет художник добраться до скелета вещей, до твердых форм, скрытых за размягченными покровами. Материальные покровы мира начали разлагаться и распыляться и стали искать твердых субстанций, скрытых за этим размягчением. В своем искании геометрических форм предметов, скелета вещей Пикассо пришел к каменному веку. Но это – призрачный каменный век. Тяжесть, скованность и твердость геометрических фигур Пикассо лишь кажущаяся. В действительности геометрические тела Пикассо, складные из кубиков скелеты телесного мира, распадутся от малейшего прикосновения. Последний пласть материального мира, открывшийся Пикассо-художнику после срывания всех покровов, – призрачный, а не реальный. Прозрением художника не открывается субстанциальность материального мира, – этот мир оказывается не субстанциальным. Пикассо – беспощадный разоблачитель иллюзий воплощенной, материально-синтезированной красоты. За пленяющей и прельщающей женской красотой он видит ужас разложения, распыления. Он, как ясновидящий, смотрит через все покровы, одежды, напластования, и там, в глубине материального мира, видит свои складные чудовища. Это – демонические гримасы скованных духов природы. Еще дальше пойти в глубь, и не будет уже никакой материальности, – там уже внутренний строй природы, иерархия духов. Кризис живописи как бы ведет к

выходу из физической, материальной плоти в иной, высший планъ.

Живопись, какъ и все пластическия искусства, была воплощениемъ, материализацией, кристаллизацией. Высшие подъемы старой живописи давали кристаллизованную, оформленную плоть. Живопись была связана съ крепостью воплощенного физическаго мира, съ устойчивостью оформленной материи. Ныне живопись переживаетъ небывалый еще кризисъ. Если глубже вникнуть въ этотъ кризисъ, то его нельзя назвать иначе, какъ дематериализацией, развоплощениемъ живописи. Въ живописи совершается что-то, казалось бы, противоположное самой природе пластическихъ искусствъ. Все уже какъ будто изжито въ сфере воплощенной, материально-кристаллизованной живописи. Искусство окончательно отрывается отъ античности. Начинается процессъ проникновения живописи за грани материальнаго плана бытия. Въ старой живописи было много духа, но духа воплощеннаго, выражимаго въ кристаллахъ материальнаго мира. Ныне идетъ обратный процессъ: не духъ воплощается, материализуется, а сама материя дематериализуется, развоплощается, теряетъ свою твердость, крепость, оформленность. Живопись погружается вглубь материи и тамъ, въ самыхъ послѣднихъ пластахъ, не находитъ уже материальности. Если прибегнуть къ теософической терминологии, то можно сказать, что живопись переходитъ отъ телъ физическихъ къ теламъ эфирнымъ и астральнымъ. Уже у Врубеля началось жуткое распыление материальнаго тела. У Пикассо колеблется граница физическихъ телъ. Те же симптомы есть и у футуристовъ, въ ихъ ускоренномъ темпе движения. Реклама и шарлатанство, искажающія искусство сегоднѣшняго дня, имеютъ глубокия причины въ распылении всякой жизненной кристалльности. Уже у импрессионистовъ начался какой-то разлагающій процессъ.

И это не отъ погружения въ духовность, а отъ погружения въ материальность происходитъ. Ранняя итальянская живопись была полна глубокой духовности, но духъ въ ней воплощался. Въ современномъ искусстве духъ какъ будто бы идетъ на убыль, а плоть дематериализуется. Это очень глубокое потрясение для пластическихъ искусствъ, которое колеблетъ самое существо пластической формы. Дематериализация въ живописи можетъ производить впечатление окончательнаго краха искусства. Живопись также

связана съ кристаллами оформленной плоти, какъ поэзия съ кристаллами оформленнаго слова. Разложение слова, его распыление должно производить впечатление гибели поэзии. А ведь поистине совершается такое же распыление кристалловъ слова, какъ и кристалловъ плоти. Не буду говорить о футуристической поэзии, которая до сихъ поръ не дала ничего значительнаго. Но вотъ Андрей Белый, котораго я считаю самымъ оригинальнымъ, значительнымъ, близкимъ къ гениальности явлениемъ русской литературы, можетъ быть названъ кубистомъ въ литературе. Въ его романе «Петербургъ» можно открыть тотъ же процессъ расплосования, разслоения космической жизни, что и въ картине Пикассо. Въ его изумительныхъ и кошмарныхъ словосочетанияхъ распыляются кристаллы слова. Онъ такой же жуткий, кошмарный художникъ, какъ и Пикассо. Это жуть отъ распыления, отъ гибели мира, точнее — не мира, а одного изъ воплощений мира, одного изъ плановъ мировой жизни¹.

И думается горькая и печальная дума о томъ, что не будетъ уже прекрасныхъ тель, чистыхъ кристалловъ радостей воплощенной жизни, синтетически-целостныхъ восприятий вещей, органической культуры.

Все это пассаизмъ, и пассаисты обречены на щемящую печаль, на воздыхание о прошломъ, на жуткий ужасъ отъ гибели воплощенной красоты мира. Архитектура уже погибла безвозвратно, и гибель ея очень знаменательна и показательна. Съ гибелью надежды на возрождение великой архитектуры гибнетъ надежда на новое воплощение красоты въ органической, природно-телесной народной культуре. Въ архитектуре давно уже одержалъ победу самый низменный футуризмъ. Кажется, что въ мире материальной воплощенности, телесности все уже надломлено безповоротно, все уже *detra-que*. Въ этомъ плане бытия невозможна уже органическая, синтетически-целостная радость, упо-

¹ Возможенъ кубизмъ и въ философии. Такъ, критическая генеология въ последнихъ своихъ результатахъ приходитъ къ расплосованию и распылению бытия. Въ русской философии послѣдняго времени настоящимъ кубистомъ является Б.В. Яковенко. Его философия есть плюралистическое разслоение бытия. См. его статьи въ «Логосъ». Характерно, что въ Германии появилась уже работа, проводящая параллель между Пикассо и Кантомъ.

енность красотой. Кажется, что въ самой природе, въ ея ритме и круговороте что-то безповоротно надломилось и изменилось. Неть уже и быть не можетъ такой прекрасной весны, такого солнечнаго лета, нетъ кристалличности, чистоты, ясности ни въ весне, ни въ лете. Времена года смешиваются. Не радуютъ уже такъ восходы и закаты солнца, какъ радовали прежде. Солнце уже не такъ светить. Въ самой природе, въ явленияхъ метеорологическихъ и геологическихъ совершается таинственный процессъ аналитическаго разслоения и распластования. Это чувствуютъ ныне многие чуткие люди, обладающие мистической чувствительностью къ жизни космической. О жизни человеческой, о человеческомъ быте, о человеческой общественности и говорить нечего. Тутъ все яснее видно, ошутимее. Наша жизнь есть сплошная декристаллизация, дематериализация, развоплощение. Успехи материальной техники только способствуютъ распыленнию историческихъ телъ, устойчивой плоти родовой жизни. Все устои колеблются, и съ ними колеблется не только бывшее зло и неправда жизни, но и бывшая красота и бывшая уютъ жизни. Материальный миръ казался абсолютно устойчивымъ, твердо скристаллизованнымъ. Но эта устойчивость оказалась относительной. Материальный миръ не субстанциаленъ — онъ лишь функционаленъ. Изжиты уже те состояния духа, которыя породили эту устойчивость и кристаллизованность воплощеннаго материальнаго мира. Ныне духъ человеческий вступаетъ въ иной возрастъ своего бытия, и симптомы распластования и распыления материальнаго мира можно видеть всюду: и въ колебанияхъ родовой жизни и всего быта нашего, къ роду прикрепленнаго, и въ науке, которая снимаетъ традиционныя границы опыта и принуждена признать дематериализацию, и въ философии, и въ искусстве и въ оккультическихъ теченияхъ, и въ религиозномъ кризисе. Разлагается старый синтезъ предметнаго, вещнаго мира, гибнуть безвозвратно кристаллы старой красоты. Но достижений красоты, которая соответствовала бы другому возрасту человека и мира, еще нетъ. Пикассо — замечательный художникъ, глубоко волнующий, но въ немъ нетъ достижений красоты. Онъ весь переходный, весь — кризисъ.

Тяжело, печально, жутко жить въ такое время человеку, который исключительно любитъ солнце, ясность, Италию, латин-

ский гений, воплощенность и кристалличность. Такой человек может пережить безмерную печаль безповоротной гибели всего ценного в мире. И лишь в глубинах духа можно найти противоядие от этого ужаса и обрести новую радость. В германской культуре менее чувствуется этот кризис, так как германская культура всегда была слишком исключительно духовна и не знала такой воплощенной красоты, такой кристаллизации в материи. Мир меняет свои покровы. Материальные покровы мира были лишь временной оболочкой. От космического ветра должны осыпаться старые листья и цветы. Ветхия одежды бытия гниют и спадают. Это – болезнь возраста бытия. Но бытие неистребимо в своей сущности, нераспылимо в своем ядре. В процессе космического распыления одежду и покровов бытия должен устоять человек и все подлинно сущее. Человек, как образ и подобие бытия абсолютного, не может распылиться. Но он подвергается опасности от космических вихрей. Он не должен отдаваться воле ветра. В искусстве Пикассо уже нет человека. То, что он обнаруживает и раскрывает, совсем уже не человеческое; он отдает человека волю распыляющего ветра. Но чистый кристалл человеческого духа неистребим. Только современное искусство уже бессильно творить кристаллы. Ныне мы подходим не к кризису в живописи, каких было много, а к кризису живописи вообще, искусства вообще. Это – кризис культуры, осознание ее неудачи, невозможности перелить в культуру творческую энергию. Космическое расплавление и распыление порождает кризис всякого искусства, колебание границ искусства. Пикассо – очень яркий симптом этого болезненного процесса. Но таких симптомов много. Перед картинами Пикассо я думал, что с миром происходит что-то неладное, и чувствовал скорбь и печаль гибели старой красоты мира, но и радость рождения нового. Это великая похвала силе Пикассо. Те же думы бывают у меня, когда я читаю оккультические книги, общаюсь с людьми, живущими в этой сфере явлений. Но верю, верю глубоко, что возможна новая красота в самой жизни и что гибель старой красоты лишь кажущаяся нам по нашей ограниченности, потому, что всякая красота – вечна и присуща глубочайшему ядру бытия. И расслабляющая печаль должна быть преодолена. Если можно сказать,

какъ истину предпоследнюю, что красота Боттичелли и Леонардо погибнетъ безвозвратно вместе съ гибелью материальнаго плана бытия, на которомъ она была воплощена, то, какъ последнюю истину, должно сказать, что красота Боттичелли и Леонардо вошла въ вечную жизнь, ибо она всегда пребывала за неустойчивымъ покровомъ космической жизни, которую мы именуемъ материальностью. Но новое творчество будетъ уже инымъ, оно не будетъ уже пресекаться притяжениемъ къ тяжести этого мира. Пикассо — не новое творчество. Онъ — конецъ стараго.